

В. А. УСЬКОВ

Коротенькие рассказики

ТОМ II

Виктор Алексеевич Уськов

Коротенькие рассказы. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28511040

ISBN 9785449015754

Аннотация

Автор – не профессиональный писатель, а свидетель, представитель многомиллионного советского народа, крестьянский сын, сменивший много рабочих профессий, дитя войны, перенесшее вместе с Родиной трудные будни колхозной жизни, тяготы и лишения военных и послевоенных лет. Подкупает, что автор «без унынья и лени» предаёт бумаге не только свои воспоминания, но и мысли о времени, восхищение природой, тревоги и заботы о нравственности народа, будущем планеты.

Содержание

МОЮ МАТЬ ЧУТЬ НЕ АРЕСТОВАЛИ...	6
КАК ТЕТЯ ФЕДОРА УЧИЛАСЬ В ШКОЛЕ	8
КАК МОЙ ОТЕЦ УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ	10
КАК БРАТА «УЧИЛА» МАТЬ	11
КАК В ИНТЕРНАТЕ В САПОГАХ ЛОЖИЛИСЬ НА КРОВАТЬ, ПОТОМ ЗАСЫПАЛИ И ДР.	13
Я ВЗЯТКУ ДАВАЛ...	14
СОЛНЕЧНЫЙ УДАР	16
КАК МЫ С ДРУЖКОМ КАРТОШКУ КОПАЛИ У НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ...	17
КАК МЫ С ВАСЬКОЙ СУХОЙ ГОРОХ ВОРОВАЛИ	19
В КОЛХОЗЕ ЯГОДЫ УКРАЛИ	20
КАК МОЙ СТАРШИЙ БРАТ УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ	21
Я ЕХАЛ В КАБИНЕ ЗИС 150	22
РАССКАЗ ВОВКИ САФОНОВА, КАК ОН УЧИЛСЯ В СЕДЬМОМ КЛАССЕ	23
МЫ С БРАТОМ ПОТЕРЯЛИ ЛОШАДЬ	26
Я ПРИТВОРЯЛСЯ СПЯЩИМ	29
БЫЧОК ЮНАШ ВОЗ НЕ ПОВЁЗ	30
Я ЕХАЛ НА 401 «МОСКВИЧЕ» БЕЗ	31

СПИДОМЕТРА	
ЗАСЫПАТЬ ЗА РУЛЕМ НЕЛЬЗЯ	32
ДВУХРЯДКА – РУССКИЙ СТРОЙ	33
ЮРА ЛИНЬО	35
МАМА И АНДРЮША	37
ДРАМА МОЛОДЫХ	38
ЖЕНЩИНАМ	40
ЭЛЕГИЯ	41
СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ	42
МУЖЧИНАМ-МУЖЬЯМ	43
КАК У НАС В ДЕРЕВНЕ РАЗРУШАЛИ	44
ЦЕРКОВЬ	
ПОЗНАКОМИЛИСЬ, ПОЗНАКОМИЛИСЬ...	46
АФГАНЕЦ	48
ЖЕНЩИНЫ	50
БУКВАРЬ НА ДВОИХ	53
ДЕВОЧКА НАСТЯ	55
СПАСИТЕ МОЮ ДУШУ!	57
МИТЯ «ЖАР»	59
(стихи в прозе)	60
МАЛЫШ	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Коротенькие рассказы Том II

Виктор Алексеевич Уськов

Редактор Ольга Зиновьевна Дьяченко

© Виктор Алексеевич Уськов, 2017

ISBN 978-5-4490-1575-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЮ МАТЬ ЧУТЬ НЕ АРЕСТОВАЛИ...

Дело было при Сталине. Кто-то дал в сельский совет знать, что в огороде у Уськовой Анны много людей копают лопатами землю. Пришлось начальству отвечать на сигнал.

Пришли три человека. Один был из Совета, двое были с улицы, посторонние. Стал начальник каждого в отдельности спрашивать:

– Ты за что копаешь?

– Да, она мне сшила фуфайку. – отвечает женщина. После войны все были женского пола.

– Ты за что?

– Она мне платье к празднику сшила...

– А ты? – подошел начальник в галифе к женщине, одетой плохо, вся в заплатах.

– Она мне обещала сшить юбку.

– Ну а ты? – пытал приезжий начальник в зеленых штанах, в галифе.

– Мне тоже пообещала сшить рубашку...

Так он спросил человек пять и, повернувшись, сказал двоим:

– Пошли отсюда.

А двое успели убежать, уйти.

– Да мы так, посмотреть, – сказали они.

Остались копать землю человек восемь.

Пришедшие ушли, не сказав ни слова, остальные женщины остались копать.

КАК ТЕТЯ ФЕДОРА УЧИЛАСЬ В ШКОЛЕ

Её отправили как путную в школу в первый класс. Это было при царе Горохе восемьдесят примерно лет назад в деревне.

Все ученики давно пришли домой, а её всё не было. Наконец приходит она сердитая. Средний дядя Александр, долго не раздумывая, побежал в школу. Тем более, школа была недалеко, в раскулаченном крестьянском доме.

– Что-то с Федорой. И сердитая и не рассказывает ни черта, – дорогой шел и думал дядя.

Семьи в то время были большими, и младшие старших часто называли дядями, тетками в Сибири.

Быстро дошел до школы. Учитель был ещё там. Учитель был один на всю деревню, когда ещё будет у класса!

Он прямо с порога, – Что было с ней? Не разговаривает, я её брат.

Учительница сама рассказала, как Федорка западню подняла и открыла. Учительница зашла и, не успев поздороваться, бух в подполье. Ладно, в подполе стояла лестница из широких досок, и она здорово-то не ушиблась, встала и не пошла жаловаться. Да и некому было! Директора в школе не было вообще.

Федора в дальнейшем самостоятельно научилась читать и писать, стала одной из первых коммунистов.

Всю жизнь пробыла военнообязанной в КГБ. И никого не сдала, не выдала. Потом, когда она умерла в девяносто три с половиной года, командир отделения, прежде, чем три раза выстрелить, сказал небольшую речь.

– Митинг, посвященный захоронению Муравьевой Федоры Евстафьевны, считаю открытым. Товарищи, она пробыла у нас на службе 56 лет. За это время были у руля государства: Сталин, Хрущев и другие.

– Пли! – Три раза пальнули из автоматов.

– Ей полагалась машина, легковая, конечно, но она отказалась, сказала, что возить её некому. Хотя и имела двух сыновей: один был пенсионер, другой сын пьет...

– Пли! Второй «раз-два» и третий раз – пли!

Так похоронили Федору Евстафьевну. Кстати, мою родную тётю.

КАК МОЙ ОТЕЦ УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ

Раньше, ещё при царе, школа была добровольная. У кого обуви не было, кто просто боялся, что как-нибудь его дразнить начнут. Были там дети разных возрастов. И побаивались, вдруг дадут какое-нибудь прозвище. Мерин, например. А..?

Мой отец пошел в школу с первого класса. Курить он начал в третьем классе. Он сам ушел из школы.

«Арихметика» не давалась! – Всё потом нам, детям, рассказывал.

А курить можно было потихоньку. Прячась, конечно.

«Но арихметика не давалась» – говорил он почти до самой смерти. И не дожив 66 лет примерно, умер. Но не курить не смог, сколько не пытался бросить.

КАК БРАТА «УЧИЛА» МАТЬ

У матери был всего один класс. Но она умом-то понимала, что «ученье – свет, а неученье – тьма». А сын решил стать шофёром. Одел военную фуражку, и ну в школу А там не дураки сидели. Быстро по документам разобрались и сунули ему обратно, сказав при этом:

– Иди, и больше не обманывай комиссию, тебе ещё минимум год не хватает, а ты, вон, фуражку напялил, думал нас фуражкой обмануть?

Так он сел в лодку и поплыл в Свердловск искать счастья. Нашел. Там заставили учиться на строгальщика, и он строго выдержал экзамен.

Год спустя он уже работал.

Однажды он сказал своему мастеру:

– Вы куда будете давать гайки точить? Дайте мне что-нибудь посушественнее...

И дали.

А до этого мать его лупила батоном из березы.

И он уплыл на лодке, на ходу вычерпывая воду из лодки. Мать всё время смотрела за ним, пока он не переплыл реку. Стоял как раз полный разлив реки Пышмы. Но он переплыл благополучно.

Так мать стала ждать от него письма. И вот, оно приходит. Там пишется: «Дорогая мама! Если бы мать тогда меня

не проучила березовой палкой, прозябал бы в колхозе, а так, я теперь – рабочий класс, учусь на стропальщика, скоро получу диплом».

Так мать выучила сына Михаила. Он об этом долго-долго, почти всю жизнь вспоминал. Но тогда вернулся, закончил переростком школу, семь классов и уехал снова на старое место, где его с удовольствием приняли на заводе. Потом поступил в техникум, закончил, женился и закончил вечерником горный институт. И жил как человек.

КАК В ИНТЕРНАТЕ В САПОГАХ ЛОЖИЛИСЬ НА КРОВАТЬ, ПОТОМ ЗАСЫПАЛИ И ДР.

Мы жили один год в колхозном, а, может, советском, интернате. Жили неважно. Через год интернат почему-то закрыли. Учителя к нам ходили редко. Мы и дрались, и чего только не делали!

Короче, один раз заходит к нам с братом отец, а старший сынок везет на горбу младшего, и тот понукает.

Правда, отец наш не ожидал и, не сказав ни слова, так и ушел. Единственное, он сказал, что из нас начальников не выйдет. С этим и уехал на лошади, на телеге – возил как раз в это время почту.

Один раз нас сильных забияк вызвали в школу.

– Ну, расскажите, кто заходил в комнату, где девочки спят: кто одеяла сбросил, кто что делал? – Тут мы все испугались, переглянулись. Но учительница была нас умнее, сказала:

– Смотрите, пока отцу с матерью ничего не скажем... А то смотрите, ждите... – Мы облегченно вздохнули. А ведь мы ложились на кровати в сапогах и не только сдергивали одеяла на кроватях. И Слава Богу! Больше мы не заходили в комнату к девкам.

Я ВЗЯТКУ ДАВАЛ...

В больнице, с глазом – не видел даже свою руку, главный врач не взял. Десять тысяч приготовил я. Стыд сказать, но я предлагал взятку одному врачу за операцию глаза. Я уже свою руку не видел, а они всё не хотели делать операцию – замена хрусталика. только и всего-то было. Все в один голос говорили мне:

– То ранняя катаракта, то выделения из глаз какие-то неправильные и т. п.

– Иди-ка к главному, как он скажет, так и будет.

Тот сразу же мне говорит:

– Выбрось эти лекарства, а купи вот эти.

И написал на бумаге, сколько раз в день закапывать и т. д.

– Через несколько дней придешь.

Я так и сделал. Но последний раз схимичил. Перед анализом смазал глаз и отдал на анализ уже в третий раз. Она молча взяла.

– Придете через три дня.

Как раз было два дня выходных. Я так и сделал.

Врач посмотрел глаза и тут же сказал:

– Вот это другое дело! Придете на операцию через четыре дня.

Ждать было некогда. Я его догнал в коридоре.

– Игнатий Игнатьевич, вот вам десять тысяч рублей, возь-

мите меня на операцию.

Он остановился. Стал вроде добрее, а может, мне так показалось.

– Возьмите деньги, спрячьте, приходите через два дня.

Через три дня я уже видел правым глазом. А взятку он так и не взял.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Про Валькину старшую сестру Ольгу вся деревня узнала мгновенно. Тем более, что она была во время войны дочерью председателя колхоза. Дед ловил рыбу. Почему дед – борода у него была большая, лохматая. Дед сразу сообразил, в чём дело и быстро подплыл к ней на лодке. Хитрый умный дед взял её за волосы, она была вся на поверхности воды и заплыла на середину озера. Так и не утонула, когда дед взял её за волосы, она уже была мертва. Никто не думал-не гадал, что она уже мертвая. Никто не пробовал её откачивать. Так она и утонула – захлебнулась теплой водой. Тут же приехал врач, сказал:

– Солнечный удар... Вот, дети. Сначала, прежде чем купаться, надо было голову смочить, всю себя смочить, тогда купайся на здоровье, сколько тебе влезет.

Врач быстренько уехала на телеге. Телега, кстати, была попутная. Она парня остановила, и он её домчал до места ушедшей.

КАК МЫ С ДРУЖКОМ КАРТОШКУ КОПАЛИ У НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ...

Наталья Александровна числилась среди учеников хорошей учительницей немецкого языка. Немного у нас было специально окончивших ВУЗ по немецкому – её взяли в учителя по немецкому как хорошую ученицу, у неё стояли пятерки в графе отметок по ВУЗу.

В деревне все садили картошку в войну и после, и скота держали почти все учителя. Семьи у них были большие, кормить надо было детей. Наталья Александровна позвала нас с рыжим кривым Лёнькой (мы были дружками – оба маленькие и учились неплохо). Позвала нас копать картошку. Мы с радостью откликнулись согласием. Не думая ни о чем – ни о хорошей еде, ни о зарплате.

Копали, стараясь не отставать от взрослых – её семьи и пару приглашенных баб. Выкопали. И вдруг она нам дает по пять рублей – чего мы никак не ожидали. Но зато поесть не пригласила. А мы и тут рады были до смерти, что по пять рублей дала учительница. Никто из нас даже не заикнулся отказаться от денег.

Так мы случайно с дружкой заработали по пять рублей.

КАК МЫ С ВАСЬКОЙ СУХОЙ ГОРОХ ВОРОВАЛИ

Наши отцы были сторожами – охраняли колхозные склады с зерном, сухим горохом и т. д. Мы иногда днем оставались за своих отцов...

Васька залез в склад с горохом через верх, я остался с этой стороны, вроде как, стоять на шухере. Там плохо видно было, я только слышал, как Васька спичками чиркает. Я стоял на улице, а он сухой горох в карманы складывает и складывает. И как мне слышалось, чиркает и чиркает спичками. Потом он, наконец, появился как ни в чем ни бывало. И мы, дождавшись наших отцов, пошли домой. Нам было в то время по четырнадцать-пятнадцать лет.

В КОЛХОЗЕ ЯГОДЫ УКРАЛИ

Соседка соседку встречает и говорит:

– Слышала, в колхозе ягоды украли?

– Нет, не слышала. Как украли? Там же несколько гектаров было...

– Вытоптали, вырвали кусты.

– Ай-ай-ай, это надо же...

– Говорят, студенты. Сторожа теперь поставят... Ладно, земляника молодая, и то надавили своими копытами.

Грешным делом и я там был, участвовал. Какхватишь ночью – так горсть.

– Ничего, вот сторожа теперь поставят, – опять за свое соседка.

– Да если молодая бы! Всё испортили, садили-садили в позапрошлом году... А тут – на тебе!

– Правильно и сделают, если сторожа поставят, – повторила соседка.

КАК МОЙ СТАРШИЙ БРАТ УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ

Мой брат учился в школе пересидком. Пора было за девками бегать, а он в школе. Но благополучно закончил семь классов. Бывало, отец рубит да рубит каждую субботу табак и уже не замечает, как каждую неделю сынок берет да берет в школу. Отец уже привык – знай, рубит да рубит. Всё крадучись, всё по-воровски, так и доучился с пятого по седьмой класс... А я его не выдал ни разу. Жри свой табачище! Да и всё тут. Потом он понял, что надо учиться. Когда я был в армии, он уже был дома и учился в горном техникуме.

Я ЕХАЛ В КАБИНЕ ЗИС 150

Я ехал третьим (уже не помню, с кем) в кабине ЗИСа за семьдесят пять километров раннею весной работать. Шофер поторапливался к теще «на блины». Вдруг нашу машину сорвало с дороги, занесло в кювет, и мы легли на бок. Из кузова какой-то мешок с деталями просыпался, одну рессору оторвало, но ехать можно было – с одной стороны оторвало. У меня повредило нос, но не до крови, а был небольшой синяк. В общем, мы упали легко, только масло вылилось из мотора. мы остановили «Урал», шофер «Урала» достал трос. Прежде выручали шофер шофера. Благополучно встали «на ноги», кое-что скидали обратно в кузов (кузов был, кстати, самосвальный), залили масла в мотор, и, даже не поблагодарив солдата с «Урала», поехали уже не торопясь, вперед.

Встречных авто тогда было мало. Лед был на земле тонкий, всё было видно. Поэтому наш водитель и не сбавил скорость. Если бы были встречные авто, то нам (как моя мать сказала бы) пришла бы хана...

РАССКАЗ ВОВКИ САФОНОВА, КАК ОН УЧИЛСЯ В СЕДЬМОМ КЛАССЕ

Мы сидели за столом – отмечали День пограничника. Нас было человек пять – словом, мальчишник. Одна была женщина, и та ушла домой. Володя Овчинников – подполковник, уже сидел пьяный. А Вова Сафонов завязал пить и курить. И не пил. Только ел – благо, на столе было, что поесть. Слово за слово, и Вовка начал свой рассказ за свою учебу в седьмом классе.

– Учился, надо сказать, я плохо. Не потому что плохо соображал, а просто было лень учить уроки. Нахватал я двоек почти по всем основным предметам. Что делать? Надо будет отцу показывать. Дружок у меня был закадычный, пожаловался я ему. Он мне говорит, – подожди до утра, что-нибудь придумаем. И придумал.

– Давай, – говорит, – выкрадем тетради и поставим хорошие оценки.

– А как? – спрашиваю я.

– Да очень просто.

Пошли мы с ним вечером в школу. Смотрю, он к форточке поставил лестницу и – надо же – у него был перочинный ножик! Он как-то открыл форточку и залез в учительскую.

– Давай, лезь сюда, – и протянул мне руку. Я и полез. Наставил мне хороших оценок. Я смотрю, четверки, пятерки. Утром меня вызывают.

– Сафонов, к директору.

А тогда был Михаил Иванович. Он мне и говорит:

– Ну что, Сафонов, оценок ты наставил хороших...

В общем, вызывает отца.

– Папа, тебя в школу просят прийти...

– Опять что-нибудь натворил?

– Да нет... Там скажут. По учебе же.

Директор всё рассказал, как залезли, как оценок наставили, и говорит отцу:

– Хватит, отучился.

– Согласен, – говорит отец. Пришел домой.

– Пойдёшь со мной робить, – и запряг меня.

Утром рано:

– Вставай, Вовка, вставай! Подои коров.

Тогда у нас две было. Естественно, они телят принесли. Стал я за ними ходить. То да сё. Ну, думаю, учиться легче. А так прошло где-то две недели. Пойду-ка я в школу... И прямо к директору в кабинет:

– Примите обратно...

– Как я тебя приму, ты пропустил две недели. Я тогда повешаюсь и записку напишу, что вы виноваты...

Михаил Иванович задумался. Прошло с минуту, две. И говорит мне:

– Ладно, я приму, а там посмотрим.

Так я закончил семь классов на хорошо и отлично.

МЫ С БРАТОМ ПОТЕРЯЛИ ЛОШАДЬ

Брат был старше меня на четыре года. Поэтому я всегда и везде доверялся ему.

Мы запрягли лошадь в сани, положили кое-какие пожитки на дровни, поставили на вид; кое-что уложили в сено, и зачем-то зашли в дом – наскоро, но добротнo сделанный из брёвен (благо, что жили в лесу). Зашли-то на минутку со всем! Глядь, а коня-то нашего нет! Нигде вблизи и на виду не было видно. Мы покричали-покричали:

– Жданко! Жданко! – поняли, что бесполезно орать в лесу. Мы не знали, что делать. Пацаны! Пацаны-то пацанами, а мы действительно не знали, что делать.

– Ты иди вперед, а я назад.

Но так действовали мы недолго. Поздней осенью рано и быстро темнеет. На небе в лесу стали видны звезды. Делать нечего, нам доверили лошадь, а мы её потеряли!

– Медведь или волки, может, испугали её, убежала так быстро? – сказал старший брат, обратившись ко мне. Через паузу:

– Идти надо быстрее домой, а то и нас потеряют.

И мы пошли по дорожке, еле накатанной. Шли-шли, брат Михаил ко мне:

– Вон, видишь? Два огонька – это волки.

В то время мы не знали, что глаза «горят» и у лисы. Может, поэтому глаза стояли на месте.

– Давай быстрее, – и прибавил ходу. Несмотря на то, что успеваю я за ним или нет. Но мы почти бежали. Светящиеся глаза перестали быть видны. Чуть замедлили шаг. Вот уже и окна домов кое-где видно.

– Ура! Мы спасены! – кричал я. Так мы дошли до дому. Дома ещё не спали.

– Чё это вы без лошади, вроде?

– Мы, пока в дом заходили, она куда-то девалась, – сказал Миша.

– А ну-ка, расскажите всё по-порядку. Миша начал всё сначала.

– Сейчас я схожу к Николаю, посоветуемся, что делать – не идти же выручать её, на ночь глядя! Вы пока не раздевайтесь, – сказал отец. Он ушел к дяде Николаю, который жил от нас через дорогу. Вернулся. И через минуту:

– Раздевайтесь и в постель.

И через минуту:

– Мать, покорми-ка чем-нибудь их.

Мы похлебали похлебки без мяса, лапши, выпили по стакану молока и полезли на печь. Там крепко заснули. Утром мы только проснулись, слышим:

– Где наши беглецы? Лошадь простояла стоя тихо всю ночь – зацепилась за сосну.

Мы с дядей Николаем на ней и приехали в лес. Снова. Дядя Николай и наш отец ещё вчера вымылись в бане. Нам отец говорит:

– А вам сегодня подтопят баню.

Я ПРИТВОРЯЛСЯ СПЯЩИМ

Мы гуляли в какой-то праздник. Вроде, был у нас праздник Октябрьской революции. И вот один мужик приревновал меня к своей жене. Забегая вперед, скажу, что они, примерно спустя год, разошлись. Две дочери уже, прилично взрослые, остались у неё на руках, в трехкомнатной квартире. Ну, это забегая вперед. А пока я лежу на тахте в другой комнате и слышу их разговор. Они были достаточно пьяны, а я достаточно трезв, потому и хорошо слышал. Один другому говорит:

– Ты дай ему как следует. Это первый ревнивец. Второй:

– Сейчас я ему покажу кузькину мать. Оба заходят ко мне в комнату. Я притворился пьяным и крепко заснувшим. Они-то помнят, что лежачего не бьют. С этим они и ушли. И ночью бы мне досталось, и пьянка была бы разрушена. Вот так меня спасло, что я притворился спящим и пьяным.

БЫЧОК ЮНАШ ВОЗ НЕ ПОВЁЗ

Во время ВОВ у некоторых хозяев бычки умели ходить в упряжке и ходили. У нас во дворе тоже был породистый пестрый бычок, которому имя дали Юнаш. Однажды из леса мы со старшим братом везли дрова. Воз, конечно, был меньше лошадиного, но всё-таки, это был воз. Человеку не увезти. Во всяком случае, долго. Приехали мы к воротам. Пока открывали ворота, пока то да сё, сани наши кованые прикипели. Вот мы ехать, а бычок не может воз с места сдвинуть. Мы его обхаживали и так и сяк – не мог он с места сдвинуться – и всё тут. Так мы в воротах долго стояли, мучились и бычка мучали. Но как говорится, а воз и ныне там. Пришла мать. Дернула за вожжи. Мама наша навалилась на головку саней, и воз легко пошел. Мы, как говорится, глаза вылупили. Столько мучились с возом дров, а тут он взял и пошел.

Я ЕХАЛ НА 401 «МОСКВИЧЕ» БЕЗ СПИДОМЕТРА

Он больше семидесяти километров в час не брал даже с переделанной подвеской. Прошел первый снежок. Навалило сантиметров пять. Ехал я, немного торопясь, шестьдесят-то точно ехал. Один. Газу сбросил – меня и поволокло. Как в таких случаях бывает, всё случилось в мгновение ока. Короче, меня поставило в поперек дороги, но при плавном кювете. Что значит «при плавном», то есть кювет был буквально вылизанной ямой, меня даже не тряхнуло нигде, и встречных машин не было. И авто не перевернулось. Я насколько смог, сдал назад и дал газу. Она бедная и вылетела на дорогу. Всё получилось легко и просто. Я поехал вперед уже потише, может, километров сорок в час. А куда я ехал, сейчас уже не поясню.

Так я благополучно съездил вперед и назад. Но могло быть и хуже. Вот, что значит, всего-то мелочь! Спидометр не работал.

ЗАСЫПАТЬ ЗА РУЛЕМ НЕЛЬЗЯ

Я уже подъезжал к своему дому. Расслабился. Вскоре поворот на девяносто градусов и глубокая яма, где легко в неё упасть, если оставить поворот руля. Надо же! Я задремал, а до дома оставалось километра три. Но обычно засыпают шофера не на поворотах, а идя по прямой. На авто немного надо расстояние, чтобы съехать в кювет или ещё куда-либо упасть. И вот, я заснул у самого поворота. Но чутье берет свое! Я вдруг просыпаюсь и уже еду тихонько (слава Богу!) у самой ямы, где даже мудрено ехать прямо. Я, пока никого нет на дороге, дернул назад. Потом крутанул рулем и поехал домой, как ни в чем не бывало! Сон прошел. Я взбодрился от мурашек по коже. Так я благополучно доехал домой.

ДВУХРЯДКА – РУССКИЙ СТРОЙ

Гармонь была старая. Хотя планки были медные, цельные, и голоса ладные. Но играла она тихо. Мать хвалила её за «железные клапаниды». Но ничего ей не помогало: ни «железные клапаниды» ни то, что мы её отдали мастеру – она громче играть не стала. Он, правда, покрасил черным лаком, говорил, что заклеил две дыры где-то, но опять же она громче играть не стала. В общем, зря мы в войну отдали за ремонт несколько ведер картошки. Тем более, он выкрасил кузбаслаком, который прилипал везде и стирался. Брат решил сделать у неё новый мех. Нашли картон, обрезали его как надо (углы косые), мать достала из сундука старую розовую юбку (чтоб красиво было, когда растянешь), я смастерил недостающие угольники из жести, мы оторвали проемы меха, промыли их водой и высушили. Клей у нас был простой, канцелярский. Начали делать не спеша. Брат размазывал под мех и обрезал ножницами, я проклеивал меха. Гармошка вышла на пять! Только виднелась кое-где клеенка, потому что кузбаслак плохо держался – прилипал к рукам и т. д. Но гармонь высохла и становилась всё модней и краше. Когда она окончательно высохла, мех стал толще в два раза. А воздуху было всё также мало. Только растягивать её пришлось больше, то есть шире. Я решил её продать подешевке. И продал, напиликавшись досыта. Нахвалил Тольке Барыге. Они вооб-

ще-то были Бушмановы, но прозвище Барыга. Скажи, Толька Бушманов – никто не знает, скажи Барыга – сразу, так бы и сказал. Короче, он не рядился, потому что гармонь стоила очень дешево. Пятнадцать так пятнадцать, – сказал он. Слазил куда-то за божницу и принес мне пятнадцать рублей. Я на прощание наиграл ещё ему, и мы простились. Както я зашел к нему домой. Он так ничего и не научился играть. Но чтобы она давала блеск и выглядела новой, он смазывал её всю солидолом. Гармошка, правда, заблестела, как из магазина, но везде, где дотронешься, оставались следы, потому что солидол не сохнет. На этом его наука музыки закончилась. А я научился играть на хромке. Русский строй – это тянешь в одну сторону – один звук, в другую – другой. На хромке – хоть куда тяни!

ЮРА ЛИНЬО

Он был на стройке ДК в селе при Хрущёве лишь бригадиром. И сказал в обед собравшимся рабочим:

– Вот, что, ребята, начальник наш промолчал, но я предлагаю хоть какой-то орнамент выложить, потому что ДК строим на века, и наши дети будут ходить в клуб, и дети наших детей ещё, поэтому я договорюсь со снабженцами насчет красного кирпича. Так что простоя никакого не будет... Значит, тут на рисунке показано как надо выложить... И скажу прямо – нам здесь жить, нам в этот клуб ходить, я хочу, чтобы он отличался, пусть не внутри, зато снаружи. А то районный ДК выложили белым кирпичом просто – вышел сарай сараем! Есть ко мне вопросы?

– Есть. Что, районный ДК в Горьковке выложили без узора?

– Да. Я видел ихнюю кладку, на сарай похоже. Больше нет вопросов? Тогда поехали.

Он привык мало говорить, а больше делать. Вот и здесь, только упомянул начальника и всё. Некоторые мужики приходили домой к Юре рассмотреть расцветку орнамента: как будет выглядеть ДК. Некоторые ждали конца работ, тоже, как будет выглядеть ДК. Хвалили, что это он придумал украсить ДК красными кирпичами. Хвалили общую длинную кладку в два кирпича, хвалили ромбики.

– Нет, здорово получилось! – говорил один мужик. Но один мужик всё-таки пожаловался начальнику стройки, а тот просто промолчал, повернулся и ушел, но Юрий знал, кто это мог сделать.

ДК далеко узнавали благодаря Юриным стараниям, что получился не сарай, а ДК. Около сорока лет прокрасовалась Юрина кладка.

МАМА И АНДРЮША

Андрюше три годика. Мама балует, милует, целует его везде...

– Ой, да ты мой хорошенький такой, моя хрустальная ласточка. Кровиночка моя, моя радость.

Сходил на горшочек, неприятно пахнет:

– Да ты умненький такой – прямо я не знаю!

И опять продолжает его хвалить и баловать. Ну разве что-то скажешь, что неприятно пахнет?

– Будешь ли ты Андрей или Андрей Викторович или просто Андрюша – неважно, но не забывай маму. Помнишь, да ты не вспомнишь, но знай, как она тебя любила, баловала...

– Ой, забыл поздравить старуху-мать... Нет, надо поздравить – нехорошо... Мать, я совсем забыл поздравить мать, ведь большой праздник, сбегая на почту, хотя бы открыточку послать надо. Пусть позже получит на денек-на два, но получит, порадуется. Говорит мать – его жена:

– Сходи, раз тебе надо... А мне не обязательно.

Сноха не разговаривает с его матерью – поссорились. Мать, поди, уже умерла, стала болеть всё... они живут в городе, пока снимают квартиру, а сами копят на однокомнатную для начала. А мать-старуха в деревне. Сынок всё ближе к жене да к жене.

ДРАМА МОЛОДЫХ

Жила молодая чета. У них была дочь-красавица годиков четырех-пяти, квартира. Он – красавец-мужчина – высокий, стройный, всегда хорошо одет, техник-электрик. Звали его Валентином. У электриков он был просто Валик. Был у него закадычный друг Сергей Щелкунов. Все электрики об этом знали. Друг был художником.

Однажды посылают Валика в командировку. Начальство обещало интересную работу и хороший заработок.

Пробыл он с неделю в командировке, приехал домой. Весёлый, жены дома не было, спросил у дочки:

- Кто был у вас без меня?
- Мама не велела говорить.

Он отдал дочке обе шоколадки, припасенные заранее.

- Вот тебе шоколадки.
- Если только маме не скажешь.
- Не скажу...

И рассказала ему всё на ухо, хотя в комнате никого не было. Он не хотел от дочери услышать того, что услышал, сердце у него затрепетало, и он стал дочь расспрашивать о подробностях.

– А дяденька тот, что с такими волосами, – и показывал на себе волосы как у Тарзана, – что он делал? Ночевал он у нас?

Дочь всё подробно рассказала отцу. Отец пошел и напился. Пришел бледный как покойник. Жена сразу поняла что-то недоброе.

Надо пару слов сказать о жене. Звали её тоже красиво, как она сама – Лилей, она была стройной, мужу под стать, хоть и выкормила ребенка грудью. Правда, кормила она всего четыре месяца, но это всё неважно.

– Был, – сразу созналась она, зная, что дочь могла всё рассказать.

На завтра он уехал туда, куда ездил в командировку. Через несколько дней он, оказывается, отравился. Два дня не было на работе, комнату вскрыли...

Приехал нарочный к жене. Она сразу поняла. И сразу же говорит:

– Можете привезти и похоронить здесь.

Она не повезла труп. Вышла замуж за друга Сергея Щелкуногова, хотя он был против Валика далеко некрасивым малым, разве, что только волосы...

Валентин был тихим, никого не обругает. Но он её, видимо, сильно любил, хоть и говорят, все мужики – кобели.

А эти и сейчас живут вместе...

– Сила любви мужчины и подлость друга. Я не её ругаю, а друга его, – рассказывает мне сварщик – ихний сосед по дому.

ЖЕНЩИНАМ

...Будьте на протяжении всей жизни немножко кокетливы, немножко шаловливы, с улыбкой как в юности, когда вы в первый раз понравились нам, юным парням, теперь вашим мужьям...

И ещё очень важное обстоятельство. Старайтесь нравиться вашим мужьям и внешне. Почему вы забываете те счастливые часы и минуты, когда вы стеснялись показаться любимому, когда вы случайно были плохо одеты или ещё что-нибудь «плохое»?

Почему вы стараетесь у зеркала и так и сяк пробуете причёску, перебираете помаду, когда собираетесь на вечер, и там хочется кому-нибудь понравиться? Ведь стирая бельё и мою посуду, то есть в самом рабочем состоянии, можно вести себя – внешне и интеллектуально так, что мужу будет приятно смотреть на вас.

Если бы все женщины помнили юность, не забывали о ней на протяжении всей жизни, мужчины были бы в два раза счастливее за свою любовь.

ЭЛЕГИЯ

Вечная мечта городского жителя, когда он увидит в кино или в телевизоре живую натуральную сельскую природу: её леса, поля, речушки, озёра с белыми лилиями и огненными кувшинками, с кваканьем лягушек. До боли в сердце хочется побывать в этих райских местах! Уединение, уединение, уединение!

Но не всегда нам горожанам удастся, чтобы исполнилась эта небольшая мечта. То то, то сё – всё время что-нибудь да мешает.

Природа для человека – это не только Родина – родные края, не только мать-Земля родная, которая его вырастила, но ещё и вечный и святой храм всех искусств и наук. Погибнет природа – сгинет с лица Земли и человек.

Вот, почему я верю, что наступит такое время, за уничтожение природы – малое или большое – будут карать по самым суровым законам.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Когда прожил с женой ты много лет, не правда, что жену не любишь, что от любви осталась лишь причина совместной жизни и т. д.

С годами жена становится дороже и роднее с каждым днем... Всё больше одинаковыми становятся характеры, всё больше понимаешь друг друга с полуслова.

И это ценишь, это делается годами труда и заботами семейной жизни.

...И стало меньше разногласий, споров, размолвок, ревностей. И т. д.

МУЖЧИНАМ-МУЖЬЯМ

Как себя нужно вести по отношению к жене? Не нужно быть навязчивым. Не надо извращать слова Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей...». Другое дело, что здесь речь идет как раз о ненавязчивости. Для этого подчас лучше сдерживать чувства, подчас незаметно скрыть, зато на другой час их излить в два раза сильнее,, в два раза горячее, именно под тот другой час, когда жене этого и нужно, без чего, говорят, нет любви, нет семьи.

Всё, что дано мужчине, дано и женщине. Однако, надо помнить, что женщина любит больше ласку, чем мужчина. Это не следует забывать.

Делюсь мнением, которое пришло мне в голову на опыте жизни.

КАК У НАС В ДЕРЕВНЕ РАЗРУШАЛИ ЦЕРКОВЬ

Её строили на века. Гораздо дольше собирали деньги. Деньги собирали по всему району (волости) у всех, всех: и у бедных, и у богатых. Поэтому она построена полностью на народные деньги, называлась она мирской.

Церковь была не очень большая, но и не очень маленькая – средняя. По красоте и крепости не уступала ни одной такой. Прошло уже добрых двести лет со дня постройки, но шарниры, двери, крыша не пострадали. В ограде было много камней – памятников тех, кто строили и церковным деятелям. И целый лес деревьев, которые не могли заслонить красоту белокаменной. А также стояла крепко ограда церкви – с метр высотой и столбы, а между ними железные решетки, также крытые зеленым железом. В Великую Отечественную войну хотели забрать кирпич с ограды, но взорвалось большими частями, так и бросили. А взрывать церкви Сталин не давал ни тротил, ни пороху, – Как хотите, так и ломайте.

Люди же, боявшиеся заблудиться, выходили на поляну, и по белокаменной выходили с грибами и с ягодами благополучно на дорогу. Помню, как был большой религиозный христианский праздник – на руках несли меня и мать

и ещё дорогой давали из кружек сладкой каши. Видимо, был праздник, и моя мать давала мне отведать причастие. И вот началось время разрушения церкви. Пришел приказ из района: «Убрать церковь». Приехал на гусеничном тракторе с длинным стальным тросом, обмотали купол, и – поехали! Несколько раз пятился назад тракторист, чтобы ослабить трос и снова дёрнуть. Так было раза два или четыре – не помню, но потом полетел купол с крестом и выломился столб – шестиметровый, толстый. На этом лигроин кончился в тракторе. Люди стояли. Некоторые молились. Некоторые крестились, но церковь закрыли. Поп успел вынести главные иконы и церковную рухлядь. На этом народ стал расходиться.

P.S. Церковь стояла пустой всю войну. Она стала прибежищем мальчуганов. После, намного после стал там клуб. Люди также выходили из лесу по белокаменной, но были видны издали малый купол и четыре маленьких купола.

Происходило это в деревне Беяковка, и было и есть.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ, ПОЗНАКОМИЛИСЬ...

Они познакомились в ломбарде.

– Простите, а как вас зовут? – задал он прямой вопрос.

– Антонина Владимировна

– А меня зовут Анатолий Львович, – тихо ответил он, – бутылочку бы надо распить за знакомство с такой барышней.

– На, сходи, у тебя, наверное, и денег нет с собой, – он промолчал, она добавила – магазин рядом, «Продукты» называется.

Смотри-ка, она меня на ты, а я тогда тоже буду на ты, – подумал Анатолий. Пока он бегал в магазин, она рассматривала его кольцо, которое он принес сдать, а назад не брать.

– Вы уже сходили в магазин?

Она знала, что он следил за ней, знала, что нужно ему.

Как раз была амнистия – кто за что сидел – выпускали на свободу, он подошел по статье.

– Давай поженимся, – почти шутя сказал он. Потом подумал и заговорил, вроде, серьезно. – Мне бы бабу какую-нибудь найти...

Антонине показался разговор очень даже серьезным. Она встала из-за своего стола и взмахнула руками:

– А что же я не подхожу, что ли?

Ей было жаль терять такого прекрасного мужчину. Она закрылась, и они пошли вдвоем в другую комнату, где было полутемно.

Потом он быстро снова сел. Потому что не хотел работать и что-то натворил. Так что, они мало прожили вместе.

Был суд. Кстати, она даже не пришла на суд. Ему дали снова наибольший срок, как по второму разу.

Она была маленькая. Её легко было уломать. Она поддавалась мимолетному увлечению и скуке, отдалась ему. Как она говорила после, что он был боров и грубый жеребец, ему лишь бы удовлетворять свою страсть, похоть...

Но нет худа без добра. Скоро приходит из тюрьмы снова письмо, где товарищ пишет, что не сегодня-завтра выйдет из этого ада «и больше меня обратно не загонишь – буду тише воды, ниже травы».

– Ты, что, его ждешь и хочешь изменить ему?

– Да, на мне нет места, которое он мне бы не целовал. Это тот – боров, жеребец, как я его называла. А этот – спокойный такой, но по глазам видно, что любит... А тот всё врал мне, хорошо, что я с ним не расписалась. Как чувствовала, что он – боров... По пьянке в двадцать два года я отдалась ему в Новый год в Екатеринбурге.

АФГАНЕЦ

Володя воевал в Афгане. Демобилизовался. Стал работать на тракторе, как в молодости. Однажды у автобуса с пассажирами случилась беда. У автобуса вдруг отказали тормоза. И он погнался с горки всё быстрее и быстрее, набирая скорость.

Он заметил, что гора длинная, машины на горе ехали тихо, а этот автобус ехал всё быстрее и быстрее. А впереди был мост через реку Ошань. Заметив неладное, Владимир, долго не раздумывая, подставил под автобус свой «Беларусь», развернув колеса так, чтобы автобус ударился и остановился. Но сам он отскочить не успел. Все пассажиры приготовились к сильному удару, и никто не пострадал. А тракторист истекал кровью. Конечно, нашлись врачи, но уже не успели ничего сделать. Он умер, но попросил людей, чтобы те передали его предсмертные слова:

– Передайте родителям по адресам: город Свердловск, улица Горная, четырнадцать и город Талица, улица Белехова, тридцать семь, что их дети в плен-у, – букву «у» Володя Тихомиров буквально выдохнул. И умер, истек кровью ввиду повреждения грудной клетки.

Хоронили Владимира, стояла длинная – с километр – очередь. Все хотели бросить горсть земли в могилу и проститься с товарищем Афганцем, как его звали местные сельчане.

Приехал «живой» автобус, на котором могли бы разбиться люди.

ЖЕНЩИНЫ

... Не говори так, женщины – чистые прекрасные жёны – были, есть и будут. А если они, подчас, становятся плохими, так это потому, что мы сами не умеем ценить их чистоту, верность, преданность, их любовь...

Я немало знаю чистых и любящих мужчин, но всё-таки женщины лучше нас, и никто меня в этом не переубедит. Я сейчас вам расскажу доказывающий это случай.

Был у меня приятель Анатолий Русенков. Где-то на стройке – он был одно время строителем – подцепил заразу, гонорею. Переспал с молодой женой. Женщины, как известно, гораздо позднее узнают ЭТО, мужчины – где-то через три дня. Ну, мне он не врал. Говорит:

– Можно я у тебя сегодня побуду? Переночую. А утром я уеду из дому.

– Толя, а что случилось? Ты говоришь такие серьёзные вещи.

И он мне всё рассказал.

– Домой я не пойду. Рубаха-перемываха на мне. Всё на мне. Матери ты скажешь, что уехал срочно в дальнюю командировку.

– Ну ладно, я-то скажу... Но тебя я всё равно сейчас отвезу к жене, честно расскажу всё, может, она тебя, как её зовут? – Лида, – может, она ещё простит тебя дурака.

– Тогда я в жизни не свяжусь ни с какими бабами!

– Ну, поехали, я «запрягая своего коня».

Хоть я играл на баяне у него свадьбу, но всё равно он мне говорит и показывает дорогу. Приехали. Я захожу, а Толя остался в машине.

– Так и так, – говорю я, – Толя не хочет жить. Но я его уговорил лучше уехать, потом, когда всё успокоится, возьмёт отпуск и приедет.

Лида поняла меня, что я не шучу.

– Везите меня, где он? – спрашивает она меня.

– Он в машине на улице. Мы подъехали...

– Пойдёмте, – только одно слово сказала она.

Мы вышли на улицу. Толя ходил возле машины. Я всё понял и говорю ему:

– Ну ладно, я поехал.

Сам быстро завожу машину и уезжаю. Я оглянулся и в зеркало увидел, как она прижала его к своей груди, а руки её были брошены на плечи Анатолия. По всему видно было, что она простила и пожалела его.

– Ну вот, – подумал я, – а жить не хотел...

На повороте я успел заметить, что они идут рука об руку.

– Наверное, к матери, – решил я.

Я искренне позавидовал, что он нашел свое счастье. Боюсь, только, оценит ли он, сбережет ли её любовь? Ведь мы мужчины, к сожалению, не умеем ценить и беречь чистоту своих жён, а подчас из-за неуважения сами толкаем их в грязь...

Но не надо забывать, что женщины относятся к слабому полу.

– Вот так, ребятки, а вы говорите...

И мне показалось странным, что мужчины молчали.

БУКВАРЬ НА ДВОИХ

Нас было много в классе – сорок человек в первом классе. Мать сшила мне сумку из лоскутов – она была единственная в деревне портная и шила всем за деньги. Мать сразу говорила, сколько стоит. Но много не брала – знала, что денег у деревенских колхозников нет. Отвлёкся я.

Итак, самой учительницы уже нет в живых. Я был случайно на кладбище. И прочитав, обомлел! Она, первая моя учительница, уже похоронена, значит, и мне скоро пора, ей было восемьдесят! Она же нас учила!

Первый раз ей доверили класс после учебы. Вот здорово! Прошло много-много лет! Она учила нас ещё в войну. Правда, один год. Затем война закончилась. Мы были первыми её учениками. Звали её Таисья Павловна.

Дело в том, что в войну и после войны нам не хватало учебников. А тогда давали их бесплатно. И никого не удивляло, что давали их на несколько человек. Например, «Родную речь» дали даже на четырех человек.

Меня посадили за одну парту с Юриком Колябой. Так его все дразнили – голова у него была большая и немного раздвоена. Наверное, поэтому его и прозвали «Колябой». Ему дали отдельно учебник «Букварь». Дали и сказали:

– На двоих с Уськовым.

А мы с ним сидели за одной, повторяю, партой. Когда его

спрашивали, он читал плохо. Я учил до занятий наизусть, на память. Я читал быстро и громко, так, что все сорок человек смотрели на меня.

Знала учительница или нет, что я читаю по памяти, но меня она стала просить читать очень редко.

Вот и все наши дела с Юриком Колябой.

ДЕВОЧКА НАСТЯ

Он бросил её с тремя детьми, сказав при этом: «Возись со свои скотом, тебе только скота и надо!»

Кузьма работал плотником. Как раз ремонтировали двухэтажный дом, вот, они и познакомились с Тамарой Прокопьевной, с её мальчиком Сашей. Дома говорил при том:

– Сегодня суббота. Холодает. Торопят. Опять работаю.

– Надо, так иди, – говорит она.

Муж её звал Люсей, Людмилой, значит.

Так продолжалось недолго. Людмила стала замечать новое в его поведении. Стала говорить ему. А он ушел на станцию, где ремонтировали брусковый дом и не вернулся.

Новая жена Тамара работала в совхозе дояркой. Удобно было заходить в обед – она всегда дома. Мальчик ходил перед школой в детсад.

Девочке его Насте шел шестой годик. Та спрашивала мать:

– Когда папа вернется?

Мать врала дочери, что. Когда много денег заработает. Затем врать ей надоело и сказала дитю своему:

– Папа твой ушел к другой маме и больше не придет.

Настенька стала думать, думать о папе. Душа была эмоциональная, очень чувствительная. Сначала стали замечать соседи, что заговаривается Настя, затем мать стала больше разговаривать с Настей, затем повела её в больницу. Там прове-

рила фельдшер и сказала маме:

– Вы, что, не видите, что она заговаривается? Ваша дочь растёт умалишенной. Повлияло, видно, то, что ушел от вас папа. У неё тихое помешательство. Она неизлечима. Только поддерживается. Мать заплакала.

– У меня старше её немного – их ещё двое, все мальчики.

– Ну ничего, отдашь её в специальный дом, где их учат читать, писать, а сама занимайся с ребятами.

Мать ещё пуще заплакала. Вдруг открывается дверь, и входит дочь.

– А почему ты плачешь?

– Да так, захотелось маме.

И перестала плакать. А дочери, Насте понравились медицинские инструменты.

– Пойдем, Настя, домой.

– Возьми всё это, – говорит Настя и показывает на медицинские предметы.

– Нельзя, доченька, – и снова зарыдала мать...

СПАСИТЕ МОЮ ДУШУ!

Танцевали в клубе они все время вместе. Один раз другой парень с ней был – один только вальс станцевал, но Женя что-то сказал ему и он больше не приглашал.

А Женя не отставал весь вечер.

Но до своего дома она пошла одна. Она фактически сбежала от солдата. Идти со станции надо было одной целых четыре километра! Было ещё светло. Летнее время! Вдруг её догоняет тот самый в отпуске солдат, который весь вечер танцевал с ней. То-ли он следил за ней, то-ли ему кто сказал... Но он пристал к ней, говорил: «возьму замуж, буду писать остаток дней».

Как мне было рассказано позднее, он был со станции, отслужил свое, осталось несколько месяцев, когда солдаты начинают оставшиеся дни считать. От него пахло мужскими духами. Ну, чем не жених, чем не мужчина! И робу свою солдатскую не снял, как другие...

Ей было девятнадцать лет. Деревня её называлась «Зырянка». От неё пахло цветами, носик прямой, горячий, сама вся горячая. Ну, чем не невеста, чем не будущая жена для мужчины! Училась она в областном центре, перешла на следующий курс. Училась, кстати, на фельдшера-акушера.

«Всё, он на мне женится. Я так решила. Письма буду ему писать...»

А идти надо было ещё километра полтора-два. Тут, в лесу она и отдалась ему – уговорил, зацеловал, уломал.

На завтра он наверняка рассказывал о своем «подвиге» друзьям. О своем «подвиге» он, конечно, не забыл, но она случайно от подруг узнала, что вчерашний вечер для него был очередной «подвиг», что он жениться собрался тоже на Люде – так совпало, а вовсе не на ней. У него была на той же станции невеста.

– Девочки, я же вчера стала женщиной...

И рассказала всё, как было, со слезами.

– Девочки, спасите мою душу!

Одна из них говорит:

– А что спасать? Не ты первая, не ты последняя...

МИТЯ «ЖАР»

Почти в каждой деревне есть Митя Жар, но поговорим о настоящем Мите «Жар». Кто его так окрестил – неизвестно. Но все по за глаза всю жизнь до самой пенсии так и звали Митей «Жар». Жил он тихо, спокойно, как говорится, никому не мешал. Глаза у него были чем-то больные с детства, слезились, были красные, ну, не совсем красные, а розовые. Сейчас я расскажу о нем подробно.

Шел он из Яру – там рубил деревья. Дочь там у них стояла на квартире. Шел пьяный из Яру в Беляковку. Это в четырех километрах от Беляковки, кстати сказать, моей родины. Четыре километра – закрой глаза, дойдешь! Во-первых, одна дорога, во-вторых, летом, по крайней мере, было видно Беляковку. Я в детстве несколько раз ходил по этой дороге. Но с большой пьянки можно было заблудиться в трех соснах! Он, видимо, пошел не той дорогой. Идет так километр, три, пять, семь... начал трезветь. Возле кустиков сел и заснул пьяный да намаевшийся. Так и уснул навсегда – замерз.

ОСТАНОВКА У ХРАМА

(стихи в прозе)

Не верю в Бога, люди, я —
Потому что с детства я не верю;
Но поклонись и постой,
Отдай дань уважения строителю – народу.
Киркой, лопатой, топором они создали
Красоту и мощь на целые века и даже тысячелетия!
Не в небе Боги, на земле,
Они создали храмы.
Они слетали и к Луне —
Недаром в ликах люди тоже...
И не хватило динамита
Разрушить то, что было свято...
Так пусть стоят ещё в веках,
Как памятники на прочность.
Боги ходят по земле,
У них надо учиться строить.
...Не верю в Бога с детства я,
Не уважаю предков наших...

МАЛЫШ

Двоюродному брату подарили маленького бесхвостого пинчера редкой породы – пестрой. Обычно они черный с коричневым брюшком. А этот был цветом черно-белой пестрой кошки. Очень симпатичный песик.

У брата было двое детей – дочь и сын. Сыну было где-то двенадцать, а дочери лет девять. К песику быстро все привязались, полюбили. Он жил-был, лаял на чужих или редких гостей, но быстро переставал, видя, что гостя принимают, разговаривают. Выпускали на улицу – сначала ходили с ним, потом одного.

Однажды они купили легковую машину «Москвич», и оставили его в машине «дежурить», чтобы никто не взял – хотели, видно, приучить. Он изгрыз угол обивки двери. Отремонтировали. Больше его там оставлять не стали.

Малыша знали все – это целый квартал пятиэтажных панельных домов в городе Тюмень. Он без хозяев ни на кого не лаял. Да и бояться его было нельзя – маленький, пестрый, без хвоста...

Как-то зашел я к ним.

– А где пес? Не лает...

И хозяйка мне отвечает:

– Не поминай его при детях.

Я вижу, что все молчат. В глубоком трауре ходят, как я

узнал немного позже.

А дело было так по рассказу брата Николая Лаврова и детей его Виктора и Олеси. Малыш бежал домой, уже стало темнеть. Он как всегда бежал по натопанной в глубоком снегу тропинке. И попадись ему навстречу злой человек. Бежать обратно – далеко. Он хотел быстро пробежать возле прохожего, но тот сильно ударил его ногой в бок и отбил у него дыхание. Нашли его в снегу недалеко от злополучной дорожки. Язык высунут, видно, что задохнулся. Так определил «врач» Николай Петрович. Кстати, работал вовсе он не врачом, а по газу дежурный.

Хоронили собачку все трое: Коля, Олеся и Виктор. Но зимой копать негде и невозможно застылая земля. Поэтому они попросились в соседнем доме в мусорный контейнер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.